

В.В. ТИХОНОВ

**ВЗАИМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ:
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИКИ И ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х-1970-Е ГГ.**

Работа подготовлена на основе как опубликованных, так и ранее не вводившихся в научный оборот источников. Впервые привлекаются документы обсуждения весной 1968 г. П.И. Якира в Институте истории АН СССР, отложившиеся в Научном архиве ИРИ РАН. Указывается, что грань между профессиональными историками и диссидентами часто была размытой и подвижной. В статье предлагается скорректировать «диссидентский миф», разделяющий историков на «официальных» и «независимых». Признавая возможность применения концепции «идеология профессионализма» для понимания проблемы, делается вывод, что «идеология профессионализма» включала различные компоненты, актуализируемые учеными в зависимости от их личных качеств и мировоззренческих установок. Также она мешала налаживанию тесных контактов между историками-шестидесятниками и историками-диссидентами, поскольку первые выставляли «профессиональный барьер», требующий владения арсеналом навыков научного исследования.

***Ключевые слова:** советская историческая наука, диссидентское движение, «идеология профессионализма», В.П. Данилов, П.И. Якир*

Диссидентское движение не было оторвано от остального советского общества¹. Оно являлось ответом (относительно радикальным) на «проклятые вопросы, волновавшие многих представителей интеллектуальной элиты. Его состав был пестрым и включал почти все страты советского общества. В этом контексте правомерно исследовать диссидентство в связи с другими явлениями позднесоветской эпохи, в частности, шестидесятничеством. В данной статье будет предпринята попытка продемонстрировать, что «диссидентские» историографические проекты можно рассматривать как часть общего процесса пересмотра «сталинского исторического нарратива», начавшегося в советском обществе с середины 1950-х гг. и развернувшегося с начала 1960-х гг.

Историю «историографического» шестидесятничества и диссидентское историописание принято рассматривать в отрыве друг от друга. И это не случайно. Несмотря на множество точек соприкосновения, они, действительно, развивались во многом параллельно и редко пересекались. В чем же причина? В героическом «диссидентском мифе» присутствует разделение на т.н. «официальных историков» и независимых историков, являвшихся частью диссидентского движения². Причем нередко под «официальными историками» подразумевались профессиональные историки вообще. Но такое разделение выглядит чрезмерно ради-

¹ См.: Алексеева 1992; Буббайер 2010; Сергеев 2012: 98-103; Будрайтскис 2017; и др.

² Например: Исторический сборник «Память»: 212, 245, 342 и др.

кальным. Во-первых, «официоз» был относительно подвижным. При Хрущеве критика Сталина носила вполне официальный характер, а при Брежневе предпочитали ее избегать, опасаясь, что это ударит и по престижу всей партии. Во-вторых, немало историков выступали с критикой ряда догматических установок, оставаясь частью профессионального цеха. Централизованная советская историческая наука, действительно, выстраивалась в форме вертикали, на вершине которой находились лидеры направления исследований, в идеале должны были транслировать официальные установки. Но часто сами лидеры были заинтересованы в постепенном раздвижении рамок дозволенного, хотя и стремились подавить конкурентов. Кроме того, динамичное экстенсивное развитие советской науки привело к появлению относительно независимых научных центров, в т.ч. в регионах, которые играли все более самостоятельную роль. Видимо, уместнее говорить об «официальном» образе прошлого, а не об «официальных историках», подразумевая под этим всех профессионалов. Действительно, «официальный» историк оказывался в большей зависимости от руководства и цензуры, чем «неофициальный». Однако границы были подвижны, ряд профессиональных историков тесно соприкасался с диссидентской средой, а некоторые активные участники диссидентского движения когда-либо имели официальное место работы в НИИ (братья Медведевы, П.И. Якир, М.Я. Гефтер).

Часто в качестве ответа на поставленный выше вопрос о мотивах поведения профессиональных историков отмечается страх потери карьеры или культивация аполитичности. Не отрицая и этих мотивов, можно указать, что нежелание большинства «ученой братии» (впрочем, в обсуждениях на Ученых советах и открытых заседаниях, по крайней мере в 1960-е гг., вовлекался не один десяток человек) участвовать в бурных дебатах отражает, скорее, уровень их общественного темперамента, а не некую демонстративную позицию. Сказывалось отсутствие в СССР полноценного «публичного пространства». Среди советских ученых можно выявить установку, согласно которой ученый должен в первую очередь выполнять свой профессиональный долг, а не увлекаться политикой, мешающей и ставящей под удар выполнение его прямых профессиональных обязанностей. Многие считали, что именно так можно сделать мир немного лучше (это напоминало теорию «малых дел»). Иронично такую позицию описал в самиздатовой поэме «Евгений Стромынкин» (написана в 1949-1956 гг., является пародией на поэму А.С. Пушкина «Евгений Онегин») физик-диссидент Г. Копылов: «Науку двигая свою, / Я больше обществу даю, / Чем тыча пальцами в прорехи. / Я приближаю новый век, / Не разрушая ветхих век». Но эта же позиция рождала установку на то, что любое дело нужно делать профессионально.

Для осмысления указанных установок используется концепция «идеология профессионализма». По мнению Н. Копосова, «...советская

историография культивировала идеал члена сражающегося коллектива... В 1960–1970-е годы он уступил место образу аполитичного эксперта, которому соответствовала идеология профессионализма. Отказ от теории во имя фактографии скрывал как неприятие склеротической идеологии, так и неготовность выступить против нее»³. Думаю, что нарисованная широким мазком картина сильно упрощает реальность. Можно ли назвать В.П. Данилова, А.М. Некрича, М.Я. Гефтера и их оппонентов «аполитичными экспертами»? Неслучайно перечисленные историки вписаны как в академическую историю науки, так и в диссидентский нарратив. Вообще, по меткому наблюдению Б. Мартин, политическая заостренность исторических текстов диссидентов была во многом следствием открытой политизированности советской историографии⁴. То есть аполитичность – не тот термин, который позволяет прояснить ситуацию. Вряд ли можно считать удачными и концепции «академического диссидентства»⁵ или «системного диссидентства»⁶, поскольку они оказываются, во-первых, размытыми, так как любое несогласие с курсом власти трактуется как диссидентство (что является огромным преувеличением), а во-вторых, сконструированы потсфактум, когда диссидентами стало модно называться и бывшим членам Политбюро.

Думаю, что на проблему нелишне взглянуть глазами самих носителей «идеологии профессионализма». Это позволит лучше понять причины их действий. Кроме того, концепция «идеологии профессионализма» излишне акцентирует пассивность профессионалов и, как следствие, подчеркивает пассионарность диссидентов. То есть мы опять возвращаемся к героическому «диссидентскому мифу».

В данной статье я попробую доказать, что «идеология профессионализма» играла важную роль в выстраивании взаимоотношений между диссидентами и историками-шестидесятниками. Я считаю недостаточным для понимания ситуации трактовку «идеологии профессионализма» как демонстративной аполитичности, пассивности и неготовности противостоять официозу. Факты говорят о стремлении многих историков-профессионалов выступить против лакировки прошлого и поставить общественно-значимые проблемы. Но важно учитывать, что «идеология профессионализма» требовала от потенциального соратника необходимой эрудиции и владения арсеналом источниковедческого анализа. Только это позволяло выносить экспертное суждение о прошлом, в т.ч. по самым злободневным вопросам. Такой «профессиональный барьер», выставляемый учеными перед дилетантами, объективно мешал, хотя и

³ Копосов 2011: 192. Об этом же писал В. Шлапентох в отношении ученых в целом: Shlapentokh 1990: 93-98. Позиция Н.Е. Копосова была поддержана А.В. Свешниковым: Исторический сборник «Память». 2017: 165.

⁴ Исторический сборник «Память»: 50.

⁵ Безбородов 1999: 54-108.

⁶ Буббайер 2010: Глава 8.

не являлся непреодолимым, плодотворному сотрудничеству с диссидентами, среди которых типичной фигурой был историк-непрофессионал.

Одной из особенностей диссидентской повестки являлось обращение к истории, в которой искали ответы на ключевые мировоззренческие, политические и культурные вопросы окружающей реальности. Во многом этот интерес был спровоцирован общей интеллектуальной атмосферой послевоенного советского общества. Являясь попыткой воплощения «проекта Просвещения» в индустриальную эпоху⁷, советское общество рассматривало историю как «учительницу жизни». Хорошо эту установку передает один из издателей нелегального альманаха «Память» (выходил в 1976–1982) Д.И. Зубарев: «...Я, как любой гражданин, еще интересовался и исторической проблематикой, поскольку у нас в СССР история была одной из самых главных наук»⁸. Большую роль в росте интереса к истории сыграли XX и XXI съезды, на которых не только произошла переоценка роли Сталина, но и прозвучал призыв поновому изучать историю партии и страны⁹. Но обращение к прошлому имело и вполне инструментальные основания. «Историческое воображение» советской эпохи выстраивалось на идеях исторической закономерности и телеологичности, которые, в свою очередь, оказывались благодатной почвой для выстраивания многочисленных исторических аллюзий. Поэтому в диссидентских текстах и публичных выступлениях так много прямых аналогий из прошлого. Участники движения сравнивались с декабристами, народниками¹⁰, национальными борцами против царизма¹¹, революционерами¹² и т.д. Можно говорить о том, что советское историческое образование сформировало и укоренило данную линейку образов. Любопытно, что такое историческое воспитание обернулось против действующей власти, когда усвоенные исторические паттерны вступили в противоречие с окружающей реальностью¹³.

⁷ См.: Хоффман 2018: 16–20; Дэвид-Фокс 2020: 90–93.

⁸ Исторический сборник «Память»: 175.

⁹ Участники движения за реабилитацию жертв сталинских репрессий активно использовали официальные риторические конструкции, озвученные XX и XXI съездами: Kozlov 2013: 176–230.

¹⁰ М.Я. Гефтер во второй половине 1970-х гг., после ухода на пенсию и начала открытого сотрудничества с диссидентскими кругами, подготовил антологию народничества. См.: Гефтер 2021.

¹¹ Так, знаменитый лозунг демонстрантов на Красной площади в августе 1968 г., выступивших против ввода войск в Чехословакию, – «За нашу и вашу свободу» – использовался польскими повстанцами в 1863–1864 гг. См.: Буббайер 2010: 135.

¹² Козлов 2017: 153–177

¹³ Такую же роль сыграла и культивируемая в советской школе русская литература второй половины XIX в., воспевающая борьбу с несправедливостью мира. См.: Амальрик 1991: 40.

Диссидентское движение не отличалось единством. Формально его объединяло идейное противостояние с действующей властью¹⁴. Можно воспользоваться упрощенным, но в целом действенным делением диссидентского движения в России на три идейных направления: левые («настоящие» коммунисты-ленинцы), либералы-западники и неопочвенники. Представители всех течений черпали в истории необходимые им аргументы, рассматривали исторический процесс в качестве объяснительной модели для современности. Так, левые диссиденты особое внимание уделяли «искажениям» коммунистических идей, отказу от «ленинского» наследия. Особый интерес для них представляла история партии и идейных альтернатив сталинизму. Неопочвенники увлекались до-революционной Россией и русской традиционной культурой, рассматривая коммунистический проект как безусловное зло. Либералы-западники в меньшей степени были зависимы от исторических паттернов, но и они находили в прошлом аргументы для обоснования неверности социалистического пути. История превратилась в квазиполитическую площадку, на которой разворачивались дискуссии. По сути, это были споры о настоящем и будущем советского государства и общества.

Особое внимание диссидентов к прошлому во многом вписывалось в общую тенденцию «исторического поворота» советского социума в 1950-70-е гг.¹⁵ Критика «культы личности», прозвучавшая на XX съезде, стала не только отправной точкой рождения феноменов и шестидесятничества, и диссидентства, но породила особый запрос на осмысление недавнего прошлого. Считается, что шестидесятники стремились, сохраняя за собой позиции в советской системе, изменить ее изнутри. Диссиденты, наоборот, оказывались к ней в оппозиции. В реальности границы были достаточно подвижны, и известно немало примеров перехода из одного качества в другое¹⁶. Впрочем, оказавшись открытым диссидентом, вернуть прежние позиции было почти невозможно.

Под влиянием новых веяний начали работу известные в будущем диссиденты: А.В. Антонов-Овсеенко, подготовивший ряд биографических работ о своем репрессированном отце В.А. Антонове-Овсеенко, и братья Жорес и Рой Медведевы. Жорес интересовался в первую очередь историей науки и подготовил книгу о влиянии «культы личности» и связанных с ним репрессий на развитие биологии. Рой начинает собирать материал о сталинских репрессиях и готовит книгу «К суду истории»¹⁷. Основой их методологии в условиях недоступности архивов стал сбор устных свидетельств. Это было возрождением традиций советской историографии 1920-1940-х гг., когда реализовывался ряд масштабных исто-

¹⁴ Даниэль 1998: 112.

¹⁵ См.: Kozlov 2001: 577-600.

¹⁶ Martin 2019: 110.

¹⁷ Подробнее: Martin 2019: 11-30.

рико-документальных проектов (истпроф, история Гражданской войны, Комиссия по истории Великой Отечественной войны и др.) целью которых было инициативное документирование, в т.ч. сбор устных свидетельств. Учитывался ли этот опыт в диссидентском историописании?

Во флагмане советской исторической науки – Институте истории АН СССР исследования также активизировались. В 1960-е гг. Институт играл противоречивую роль. С одной стороны, он оставался «цитаделью» советской историографии, подспудно выполняющим и контрольно-координирующие функции. Контролирующими инстанциями Институт рассматривался как «идеологическое» учреждение, т.е. находящееся на важном участке «идеологического фронта». Немало среди сотрудников было сталинистов и консервативно настроенных ортодоксов. Но, с другой, именно здесь наиболее ярко наблюдалось стремление поставить научную объективность на первый план перед общественно-политической целесообразностью, пересмотреть или хотя бы скорректировать идеологические догмы в области истории. Тем более, что первоначально это поощрялось на официальном уровне. В 1962 г. Всесоюзное совещание историков подтвердило курс на десталинизацию и демократизацию исторической науки¹⁸. Все это отражалось на настроениях сотрудников Института. «Именно тогда, а не после XX съезда, – вспоминал работавший в Институте А.П. Ненароков, – мы впервые поверили в то, во что не смогли верить ранее. Нам вдруг запоздало почудилась “оттепель” среди первых осенних заморозков. Мы приняли все за чистую монету... решили, что наступила необратимая стадия десталинизации»¹⁹. Особенно активными были дискуссии по истории Великой Отечественной войны и роли в ней И.В. Сталина.

Но ситуация менялась. После смещения в 1964 г. Н.С. Хрущева ряд высокопоставленных идеологов, в частности П.Н. Поспелов и С.П. Трапезников, заявили, что неправильно преувеличивать значение культуры личности в советской истории. Этой тенденции объективно противостояла книга А.М. Некрича «1941. 22 июня» (1965), где вина за провальное для советских войск начало войны возлагалась на Сталина. Материалы закрытого обсуждения издания попали за рубеж (а также в самиздат), что привело к изъятию книги из библиотек, а самого автора исключили из партии и вскоре он был вынужден эмигрировать²⁰.

В январском номере за 1966 г. газеты «Правда» вышла статья «Высокая ответственность историков», подписанная тремя известными историками – Е.М. Жуковым, В.Г. Трухановским и В.И. Шунковым. Авторы выступали против «немарксистского» термина «период культа личности», ведущего, якобы, к умалению роли народа и партии в исто-

¹⁸ Всесоюзное совещание 1964.

¹⁹ Ненароков 2009: 207.

²⁰ Отрешившийся от страха 1996; Martin 2019: 75-81.

рии. В ответ в адрес Л.И. Брежнева появилось т.н. «письмо 25-ти» (подписано известными учеными (П.Л. Капица, С.Д. Сказкин, И.М. Майский, М.А. Леонтович, А.Д. Сахаров) и представителями творческой интеллигенции (О.Н. Ефремов, К.Г. Паустовский, И.М. Смоктуновский, М.М. Хуциев и др.), в котором говорилось о недопустимости «частичной или косвенной реабилитации И.В. Сталина»²¹. Жанр открытого письма в данном случае не случаен и отражает широко распространенную тактику влияния на власть, взятую на вооружение интеллигенцией. Для диссидентов она вообще являлась главной во второй половине 1960-х гг.²² Впрочем, был и существенный нюанс. Влиятельные и известные деятели науки и культуры обладали весомым статусом и, как следствие, определенным политическим иммунитетом, в отличие от мало известных диссидентских активистов, в гораздо большей степени рисковавших подвергнуться серьезным преследованиям.

Отчетливую антисталинскую позицию занимал партком Института истории АН СССР, возглавляемый крупным специалистом по аграрной истории В.П. Даниловым. В 1964 г. цензура запретила совместную статью В.П. Данилова и С.И. Якубовской «О фигуре умолчания в исторической науке», подготовленную для «Нового мира». В статье выражался протест против существования в советской историографии исторических фигур, упоминания которых запрещены. Такая практика прямо связывалась с наследием сталинского времени, которое следует преодолеть. Партком выступал за демократизацию управления Институт истории, введение выборности руководящих должностей. В своей деятельности партком вступил в конфликт с МГК. Была образована комиссия, которая провела проверку деятельности парткома и подготовила в целом негативный отчет²³. Раздел Института истории в 1968 г. на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР подвел черты под работой «мятежного парткома».

Ярким историографическим явлением стало «новое направление». Традиционно к нему относят А.М. Анфимова, М.Я. Гефтера, И.Ф. Гиндина, К.Н. Тарновского, А.Я. Авреха, П.В. Волобуева и др. историков, обосновывавших тезис о многокладном характере российской экономики, что, по их мнению, позволяло рассматривать Россию как страну второго эшелона капиталистического развития. Своеобразным институциональным центром неформального историографического движения стал Институт истории СССР АН СССР, возглавляемый П.В. Волобуевым. В противовес «новому направлению» группа историков, включавшая В.И. Бовыкина, В.Я. Лавёрычева и П.Г. Рындзюнского, отстаивала

²¹ Реабилитация: как это было. 2003: 486-488.

²² Буббайер 2010: 134-135.

²³ См.: Курносов 2006: 363-389; Партийная организация Института истории АН СССР. 2007. № 12; 2008. № 1-2.

положение о высоком уровне развития капитализма в России как предпосылки социалистической революции. Критики увидели в концепциях «нового направления» попытку пересмотра истории Октябрьской революции, даже отрицание ее закономерности. Считается, что ключевую роль в «разгроме» сыграл Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС во главе с С.П. Трапезниковым. Волобуев был снят с должности директора Института как «не справившийся с работой»²⁴. Как показывают современные исследования, деятельность «нового направления» и его разгром стали объектом внимания со стороны диссидентских кругов²⁵.

В 1964 г. в Институте начал работу Сектор по разработке вопросов методологии истории во главе с М.Я. Гефтером, человеком высокого общественного темперамента в сочетании с особым интересом к методологии и философии истории. Поддержку Гефтеру оказывал академик Е.М. Жуков²⁶. Сотрудники сектора и участники его методологических семинаров опубликовали коллективную монографию «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969), в которой содержался призыв к новому, неортодоксальному прочтению марксистско-ленинской теории. По указанию Отдела науки ЦК КПСС, сектор расформировали. «В 1970 г. сектор был закрыт по требованию ЦК партии, – вспоминал Гефтер, – а я за нежелание "признать ошибки" разжалован в рядового сотрудника и наказан по партийной линии. С этого же времени – "запрещенный автор", ни одной публикации в официальных изданиях, ни единого упоминания имени. В 1976 году по собственной воле ушел из Академии наук, стал пенсионером. Продолжал интенсивно работать дома. Сюжеты: декабристы, Чаадаев, Пушкин, спор Герцена с Чернышевским, путь народников к террору, биография мысли Ленина, Октябрьская революция и феномен сталинизма... Множество рукописей»²⁷. Действия властей фактически вытолкнули Гефтера в диссидентскую среду²⁸.

В круговерти описанных событий складывалось взаимодействие между профессиональной средой и диссидентским движением. Разумеется, в первую очередь точки соприкосновения возникли между диссидентами и сторонниками десталинизации в Институте истории. Определенную роль играли и личные связи, возникшие нередко еще со студенческой скамьи. Так, П.И. Якир и его дочь Ирина окончили Историко-архивный институт и были знакомы со многими сотрудниками Института истории, окончившими тот же вуз. Сотрудник Института А.П. Ненароков, выпускник МГПИ им. В.И. Ленина, был другом других известных участников диссидентского движения – Ю. Кима и И. Габая.

²⁴ Поликарпов 1996: 349-400; Markwick 2001; Шепелева 2002: 219-256.

²⁵ Русина 2018: 96-109; Киселев 2020: 343-354.

²⁶ Шейнфельд 2010: 324.

²⁷ Цит. по: Высочина 2000: 85.

²⁸ Чеботова 2010: 87-91.

Но, несмотря на известный потенциал сотрудничества между диссидентами и частью профессиональных историков в борьбе против реабилитации сталинизма, взаимоотношения на личностном уровне складывались непросто. Так, известен конфликт между В.П. Даниловым и Р. Медведевым из-за «книжного дела» (1972), когда Р. Медведев поспособствовал Данилову в доступе (вполне законном, как тому казалось) к списанной литературе из фондов Библиотеки им. Ленина, а затем он оказался фигурантом дела о «воровстве» книг, вплоть до угрозы уголовного преследования. В дальнейшем В.П. Данилов негативно отзывался о Медведеве, даже намекая на его провокаторскую роль и связи с КГБ²⁹. Потенциальный «альянс» одного из лидеров историков-шестидесятников и представителей диссидентского движения не состоялся.

Активные «диссидентские» историки (братья Медведевы, Антонов-Овсеенко) нередко рассматривались как непрофессионалы, не владеющие азами исследования, но готовые делать громкие заявления. Например, вдова В.П. Данилова оставила в целом негативные воспоминания о Р. Медведеве (во многом из-за «книжного дела»), но показательно, что целится она в первую очередь в его профессиональные навыки: «Хотя Данилов немало слышал о братьях Медведевых, лично знаком с ними не был. И вдруг (без звонка и даже без ссылки на чью-то рекомендацию) Р.А. Медведев неожиданно явился к нему на квартиру с просьбой прочесть его рукопись о крестьянстве сталинского времени и дать на нее отзыв. Рукопись носила научно-популярный характер, содержала массу фактических ошибок и разного рода несуразностей, в общем, была совершенно не пригодна к изданию. Через некоторое время Медведев принес подправленный экземпляр, но также далеко не готовый к печати. Несколько раз он посещал Данилова в Институте для получения научных консультаций... На Данилова Медведев производил впечатление человека, активно рвущегося к признанию в среде ученых и прогрессивной интеллигенции»³⁰. Подобное культивирование «профессионализма» было не только реакцией профессионала на дилетантизм. Оно в определенном смысле было выстрадано, поскольку продвижение в дискуссиях новых идей требовало максимально возможного уровня аргументации: обеспеченности массивом фактов, логичности и убедительности, хорошего знания исторического контекста и т.д.

Наиболее ярким и известным сотрудником Института истории, ставшим участником диссидентского движения, является П.И. Якир, сын расстрелянного в 1937 г. командарма И.Э. Якира. Он оказался в заключении еще в детстве и провел по лагерям и ссылкам в общей сложности 17 лет. После реабилитации сумел поступить в Историко-архив-

²⁹ См. версию событий Л.В. Даниловой: Данилов 2013: 339-341. См. также: Martin 2019: 137-138.

³⁰ Данилов 2010: 339.

ный институт, который окончил с отличием и стал, будучи уже немолодым человеком, аспирантом Института истории. Здесь он подготовил диссертацию на тему «Перевод Красной Армии на мирное положение, 1921–1923 гг.», которую рекомендовали к защите (защищена так и не была). Он получает хорошие характеристики от заведующего сектором истории Революции и Гражданской войны П.Н. Соболева (считавшегося сторонником ортодоксальных взглядов) и Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»³¹ и с 1 января 1966 г. зачисляется в Научный совет на должность младшего научного сотрудника³². Это не могло обойтись без санкции руководителя совета – академика И.И. Минца, знавшего отца Якира. Но в том же году Якир-младший начинает активную общественную деятельность (что, видимо, затормозило доведение диссертации до защиты). Он активно выступает против ресталинизации и участвует в «подписных» кампаниях. В январе 1968 г. П. Якир, Ю. Ким и И. Габай выступили с обращением «К деятелям науки, культуры, искусства», в котором выражался протест против ресталинизации и преследования инакомыслящих. Видимо, это стало последней каплей для контролирующих органов, на Якира началось давление на работе. Прошло по меньшей мере два собрания, на которых его деятельность подверглась осуждению. Поводом стало письмо рабочих завода «Красный пролетарий», возмущенных, якобы, антисоветской позицией «подписантов».

Доступен протокол первого собрания 28 марта 1968 г., собравшего сотрудников Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», а также сотрудников других секторов и групп. Председателем являлся Г.А. Трукан, присутствовало 52 человека. Открывая собрание, председатель указал: «на повестке... вопрос о политически безответственном поведении младшего научного сотрудника Научного совета П.И. Якира»³³. Говорилось, что подписанные Якиром воззвания стали орудием в руках антисоветской пропаганды за рубежом (в частности, были зачитаны на «Голосе Америки»). Помимо этого, распространяя их, он нарушал производственную дисциплину. Неожиданно выступил «старый большевик» А.П. Кучкин, предложивший выслушать обсуждаемого. Трукан раздраженно подчеркнул, что «важнее оценить действия Якира и документы, подписанные им». Далее протокол отразил следующий диалог:

«Якир: Я не знаю, о чем мне говорить.

Кучкин: Что заставило Вас подписать антигосударственное письмо, что за сообщники, что толкнуло Вас к этому. Потом будем решать как с Вами поступать.

Якир: Мои друзья – честные советские люди и документ – тоже [честный].

³¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Личное дело П.И. Якира. Л. 17-18.

³² Там же. Л. 27.

³³ Там же. Л. 21.

Меня никто никогда не толкал. Считаю, что правильно поступил, это голос совести. Писал не для «Голоса Америки», а для советских людей. Как оно туда попало – не знаю. Подписал этот документ, т.к. это мой гражданский долг. Не раскаиваюсь в этом»³⁴.

Вскоре выяснилось, что мало кто знает о содержании обращения «К деятелям науки, культуры, искусства». Трукан вновь напомнил, что обсуждается не письмо, а поведение Якира, поэтому выяснять содержание обращения не надо. Его поддержал И.И. Минц, сказав, что письмо уже передавали по «Голосу Америки» и ВВС 15 раз (видимо, намекал, что кому надо – тот уже мог давно ознакомиться). Но большинство участников продолжало настаивать на оглашении документа. Трукан зачитал письмо, после чего И.И. Минц выступил в том духе, что нельзя врагам Советского Союза давать повод давления на страну, а Якир именно это и сделал³⁵. Интересно, что Минц напирал на «долг профессионализма»: историк должен заниматься своей работой, «завоевать право называться научным работником»³⁶. Ему вторил Д.А. Коваленко: «Научным трудом надо исправлять ошибки прошлого. Вместо этого Вы помогаете заполнять эфир злобными антисоветскими измышлениями»³⁷. В том же духе выступили В.Ф. Миллер, Б.Н. Казанцев, С.С. Хесин. Кучкин заявил, что Якир не раскаялся. В русле новых веяний он говорил:

«Чем объяснить, что Якир стал на такой путь. У него произошел психологический срыв, это мы понимаем. Никто не оправдывает нарушение демократии периода культа Сталина, но нельзя десятки лет муслировать это и тем самым лить воду на мельницу наших врагов. Ненависть Якира к Сталину может перерасти у Вас в ненависть к советскому строю, социализму, бойтесь этого... Я что-то теряю веру в то, что он может в нашем коллективе исправиться. Не стоит ли сделать то же, что сделали в Польше с частью студентов – послали на производство для оздоровления. Вам надо увидеть, чем дышит рабочий класс, тогда Вы поймете свою ошибку»³⁸.

Компромиссную позицию занял М.П. Ким, предложив ответить на обвинения самому Якиру. Тот сказал: «Сожалею, что письмо передано по иностранному радио. 17 лет работал токарем, в шахте и в лесу. Сбор подписей не отнимает времени. С диссертацией – затянул, сейчас она на внешней рецензии. Сам хочу ускорить ее завершение, конечно, какое-то время упустил»³⁹. Выступивший следом М.П. Ким делал упор на необходимости перевоспитания Якира в коллективе Института истории, а не увольнение его или «высылку к рабочим». Но выступавший потребовал, чтобы тот отрекся от своих «клеветнических писаний». Заявление Якира

³⁴ Там же. Л. 22.

³⁵ По воспоминаниям А.П. Ненарокова И.И. Минц держал Якира в Научном совете столько, сколько позволяли обстоятельства: Ненароков 2009: 235.

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Личное дело П.И. Якира. Л. 23.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 24-25.

³⁹ Там же. Л. 25.

о то, что он не считает содержание письма ошибочным и «обещает подумать, может быть и изменить мнение» вызвало шум и протесты собрания. Единогласно была принята резолюция, осуждающая поведение Якира. Пожалуй, на данном примере можно хорошо увидеть, что «идеология профессионализма» (разумеется, в усеченном виде) могла использоваться в качестве инструмента давления и контроля. Апелляция к ней позволяла вывести политику за рамки профессионального долга.

Согласно справке, представленной 29 августа 1972 г. в следственный отдел КГБ (т.е. во время следствия по делу «Якира-Красина») и подписанной заместителем директора Г.А. Труканом, 10 апреля 1968 г. прошло собрание отдела истории советского общества Института (т.е. собрание секторов, входивших в отдел), на котором присутствовало 68 чел. Выступило 8 человек, включая академика И.И. Минца и член-корр. М.П. Кима. На собрании вменялось и нарушение трудовой дисциплины, «недобросовестное отношение к служебным обязанностям». Якир на собрании «вел себя неискренне, а на прямой вопрос: будет ли он продолжать участвовать в составлении антисоветских воззваний и заявлений, он ответил: “Не будет, если советское правительство своей политикой не принудит его к этому”»⁴⁰. Собрание приняло резолюцию, в которой осудило деятельность Якира и отметило «несовместимость этих действий с дальнейшим пребыванием в идеологическом учреждении»⁴¹.

После разделения Института истории на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории⁴² Якир был уволен и переведен на должность библиографа в ИНИОН. В эти годы он становится одним из лидеров диссидентского движения. В 1972 г. его и В. Красина арестовали и после давления оба публично покались, что произвело тяжелое впечатление в диссидентских кругах. Близко знавший Якира сотрудник Института А.П. Ненароков вспоминает, что во время посещения Якира в рязанской ссылке тот сказал ему: «Ну не мог я еще раз сидеть, ни месяца, ни недели. Когда объявляли приговор, несмотря на все уверения, что его заменят [на более мягкий], меня трясло»⁴³.

Процесс Якира-Красина подвел черту под первым этапом диссидентского движения. В 1970-е гг. на первый план вышло правозащитное движение, но и поиск исторической правды продолжался. Крупнейшим памятником того времени стал «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, начавшего издаваться за рубежом в конце 1973 г. В самиздате книга ходила и в СССР. Ее основу составляли многочисленные

⁴⁰ Там же. Л. 19.

⁴¹ Там же. Л. 20.

⁴² Часто разделение Института связывают именно со стремлением уволить П.И. Якира. Скорее всего это не так, причин было немало и доминировали общеорганизационные соображения. См.: Пивоваров, Тихонов 2020: 173-184.

⁴³ Ненароков 2009: 236.

воспоминания бывших заключенных. Несмотря на зыбкость собранного материала для выстраивания полномасштабной картины сталинской карательной системы, он производил неизгладимое впечатление на читателей, скептически относящихся к официальным конструкциям советской истории 1920-1940-х гг.⁴⁴ Участники диссидентского сборника «Память» называли «Архипелаг ГУЛАГ» «главной книгой в то время». Один из них, В.Н. Сажин, вспоминал, что это была «книжка, вокруг которой все мысли вертелись»⁴⁵.

Если взаимоотношения в 1960-е гг. между профессионалами и историками-диссидентами были непростыми, но последние все же стремились к контактам, то уже участники сборника «Память» (С.В. Дедюлин, Д.И. Зубарев, А.Ю. Даниэль, А.Б. Рогинский, В.Н. Сажин, А.С. Коротаев и др.) в целом скептически относились к «официальным историкам». Это отражало общий скепсис нового поколения к советской действительности в целом. Если предыдущее поколение стремилось исправить реальность, то новое предпочитало ее просто игнорировать. В определенном смысле они жили в положении «внеаходимости»⁴⁶.

Большую роль здесь сыграло и то, что в конце 1960-х – начале 1970-х гг. происходит форменный разгром реформаторских направлений в советской исторической науке: исследований историков-аграрников во главе с В.П. Даниловым, «нового направления» и т.д. Абсолютно доминировали только догматические и беспроблемные подходы, лакирующие прошлое. Разумеется, это вызывало отторжение нового поколения, все больше дистанцирующегося от официоза.

Советская историческая наука получила уничижительные характеристики. С.В. Дедюлин так оценивал советские научные журналы: «...Советские исторические журналы – это было еще много хуже, чем еда, которую подают в “Макдональде”, то есть имитация настоящего питания»⁴⁷. Также уничижительно оценивались и профессиональные историки: «Ясное дело, как все профессионалы-историки, они [знакомые историки А. Рогинского] были оппортунисты: помочь соглашались, но большого участия в этом замысле [издание неподцензурного сборника «Память»] принимать не собирались»⁴⁸. В.Н. Сажин:

«...У меня было самое общее представление: от нас скрывается подлинная история. По крайней мере история, относящаяся к революционному движению и к советской внутренней политике, история [Великой Отечественной – В.Т.] войны... Видимо, мы понимали, что есть люди [имеются в виду ис-

⁴⁴ Подробнее см.: Martin 2019: 85-94.

⁴⁵ Исторический сборник «Память»: 246.

⁴⁶ Понятие, введенное А. Юрчаком и описывающее осознанное игнорирование окружающей советской реальности. См.: Юрчак 2014. Этот феномен применительно к диссидентской историографии описала Б. Мартин: Исторический сборник «Память»: 55.

⁴⁷ Исторический сборник «Память»: 202.

⁴⁸ Исторический сборник «Память»: 212.

торики – В.Т.] сугубо оппозиционные, а есть находящиеся посерединке, которые, конечно, в своем кругу могут говорить какие-то оппозиционные вещи, но работают как советские ученые. Со временем я узнал, к кому можно обращаться, но все-таки мы смотрели в сторону тех, кто безусловно находится в оппозиции к официальной истории, историографии»⁴⁹.

А.Ю. Даниэль:

«Очень скептически [относились к официальным историкам – В.Т.], конечно. Особенно к историкам советской эпохи. Было понятно, что работа советского историка – это работа под конвоем. Шаг влево, шаг вправо – считается побегом! И что совершенно невозможно быть официальным историком советской эпохи и работать сколько-нибудь свободно»⁵⁰.

Тем не менее, для издателей сборника огромным авторитетом обладал М.Я. Гефтер, к тому времени вышедший на пенсию и, как бы, потерявший в их глазах статус «официального историка»⁵¹. Для них он выступал «неофициальным консультантом». А.С. Коротаяев вспоминает, что Гефтер был для них «учителем жизни, неким гурзу»⁵².

Но, не принимая одну сторону «идеологии профессионализма», издатели сборника «Память» восприняли другую – источниковедческий анализ и тщательную верификацию фактов⁵³. Их уже не удовлетворял пафосный, но дилетантский подход предшественников. В этом смысле, отрицая «официальных историков», они сделали серьезный шаг в сторону профессиональной исторической науки. Проект издания «Памяти» был закончен с арестом в 1981 г. его главного идеолога А.В. Рогинского.

Диссидентская историография оказалась востребована в годы перестройки в качестве альтернативы лакированному и беспроblemному нарративу официальной версии прошлого⁵⁴. Историки-шестидесятники также нашли свою нишу, включившись в бурные бои за историю. Проблема «идеологии профессионализма» остро встала и в этой ситуации. Общество требовало сиюминутных ответов на все вопросы, а профессиональные историки, даже если они и были готовы к публичной деятельности, не могли их дать, тщательно не проработав проблемы.

Итак, представленный материал позволил по-новому взглянуть на проблему взаимоотношения диссидентской историографии и профессиональных историков. Ключевой в данном контексте концепт «идеология профессионализма» следует разделить на несколько компонентов: 1) профессиональный (базовый) «барьер», предполагающий признание историком только специалиста, владеющего на должном уровне арсеналом исследовательских навыков. Отсутствие их становилось препятствием во взаимодействии с непрофессионалами; 2) «башня»

⁴⁹ Там же: 245.

⁵⁰ Там же: 342.

⁵¹ Там же: 193.

⁵² Там же: 277.

⁵³ Там же: 76, 94-98.

⁵⁴ Шерлок 2014; Martin 2019: Ch. 8.

профессионализма, т.е. дистанцирование от «злости дня», когда любая общественная активность рассматривается как помеха выполнению долга профессионала. На примере «дела Якира» хорошо видно, что она могла использоваться в качестве контролирующих рамок; 3) «идеология» профессионализма отнюдь не обязательно предполагала аполитичность, но позитивистский идеал историка-объективиста подспудно культивировался в научной среде, особенно в относительно деидеологизированных направлениях исследований древнейших периодов. Совершенно не обязательно перечисленные компоненты брались профессионалами в комплексе. Во многом выбор носил индивидуальный характер. Впрочем, первый барьер, базовый, был обязателен.

Натыкаясь на описанные установки, непрофессиональные историки-диссиденты не получали признания со стороны профессионалов и сотрудничество с ними не носило устойчивого характера. Их дистанция от диссидентских кругов была обусловлена не только страхом за карьеру, но непризнанием их «настоящими историками». С диссидентской стороны это компенсировалось маркировкой «официальных историков» в качестве «подневольных ученых». Впрочем, профессиональная среда породила феномен «выхода» из нее в диссидентскую сферу.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.-Вильнюс: Весть, VIMO, 1992. 348 с. [Aleksееva L. Istorija inakomyslija v SSSR. Novejšij period. M.-Vil'njus: Vest', VIMO, 1992. 348 s.]
- Амальрик А. Записки диссидента. М.: Ардис, 1991. 431 с. [Amal'rik A. Zapiski dissidenta. M.: Ardis, 1991. 431 s.]
- Безбородов А. Б. Академическое диссидентство в СССР // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 1. С. 54-108. [Bezborodov A. B. Akademicheskoe dissidentstvo v SSSR // Russkij istoricheskij zhurnal. 1999. T. 2. № 1. S. 54-108.]
- Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 364 с. [Bubbajer F. Sovest', dissidentstvo i reformy v sovetskoj Rossii. M.: ROSSPJeN, 2010. 364 s.]
- Будрайтскис И. Диссиденты среди диссидентов. М.: Свободное марксистское издательство, 2017. 152 с. [Budrajtskis I. Dissidenty sredi dissidentov. M.: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2017. 152 s.]
- Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М.: Наука, 1964. 291 с. [Vsesojuznoe soveshhanie o merah uluchshenija podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov po istoricheskim naukam. 18–21 dekabrja 1962 g. M.: Nauka, 1964. 291 s.]
- Высочина Е.И. Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО-XXI, 2000. С. 79-114 [Vysochina E.I. Mihail Jakovlevich Gefter (1918–1995) // Istoriki Rossii: Poslevoennoe pokolenie. M.: AIRO-XXI, 2000. S. 79-114].
- Гефтер М. Антология народничества. СПб.: Нестор-История, 2021. 688 с. [Gefter M. Antologija narodnichества. SPb.: Nestor-Istorija, 2021. 688 s.]
- Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 863 с. [Danilov V.P. Istorija krest'janstva Rossii v XX veke. Ch. 1. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2013. 863 s.]
- Даниэль А.Ю. Диссидентство: культура, ускользящая от определения? // Россия/Russia. Вып. 1: Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.: ОГИ, 1998. С. 111-124. [Danijel' A.Ju. Dissidentstvo: kul'tura, uskol'zajušhaja ot opredelenij? // Rossija/Russia. Vyp. 1: Semidesjatyje kak predmet istorii russkoj kul'tury. M.: OGI, 1998. S. 111-124].

- Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛО, 2020. 464 с. [Djevid-Foks M. Peresejajka granicy: Modernost', ideologija i kul'tura v Rossii i Sovetskom Sojuze. M.: NLO, 2020. 464 s.]
- Исторический сборник «Память»: Исследования и материалы / сост., комм. Б. Мартин, А. Свешников. М.: НЛО, 2017. 398 с. [Istoricheskij sbornik «Pamjat'»: Issledovanija i materialy / sost., komm. B. Martin, A. Sveshnikov. M.: NLO, 2017. 398 s.]
- Киселев М.А. К вопросу о принципах публикации текстов советского самиздата: несколько критических замечаний // Историческая экспертиза. 2020. № 2(23). С. 343-354. [Kiselev M.A. K voprosu o principah publikacii tekstov sovetskogo samizdata: neskol'ko kriticheskikh zamechanij // Istoricheskaja jekspertiza. 2020. № 2(23). S. 343-354.]
- Козлов Д.С. Две революции, две составные части политической инкомомыслия эпохи «оттепели» // Социология власти. 2017. № 29 (2). С. 153-177 [Kozlov D.S. Dve revoljucii, dve sostavnye chasti politicheskogo inakomyslija jepohi «ottepeli» // Sociologija vlasti. 2017. № 29 (2). S. 153-177.]
- Копосов Н. Память строгого режима: История и политика России. М.: НЛО, 2011. 320 с. [Koposov N. Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika Rossii. M.: NLO, 2011. 320 s.]
- Курносов А.А. Об одном из эпизодов разрома исторической науки 1960–1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363-389. [Kurnosov A.A. Ob odnom iz jepizodov razgroma istoricheskoj nauki 1960–1970-h gg. (Po materialam Centra hranenija sovremennoj dokumentacii) // Voprosy obrazovanija. 2006. № 4. S. 363-389.]
- Ненароков А.П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн. 1. Вдаль к началу. М.: Новый хронограф, 2009. 288 с. [Nenarokov A.P. V poiskah zhanra. Zapiski arhivista s dokumentami, kommentarijami, fotografijami i posvjashhenijami. Kn. 1. Vdal' k nachalu. M.: Novyj hronograf, 2009. 288 s.]
- Отрешившийся от страха: памяти А.М. Некрича. Воспоминания, статьи, документы / сост. М.С. Альперович, Я.С. Драбкин, Д.Г. Наджафов, Л.П. Петровский. М.: ИВИ РАН, 1996. 214 с. [Otreshivshijsja ot straha: pamjati A.M. Nekricha. Vospominanija, stat'i, dokumenty / sost. M.S. Al'perovich, Ja.S. Drabkin, D.G. Nadzhafov, L.P. Petrovskij. M.: IVI RAN, 1996. 214 s.]
- Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями / Публ. Л. В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12; 2008. № 1-2. [Partijnaja organizacija Instituta istorii AN SSSR v idejnom protivostojanii s partijnymi instancijami / Publ. L. V. Danilovoj // Voprosy istorii. 2007. № 12; 2008. № 1-2.]
- Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В. "Штагов – избылье, порядка снова нет": к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 173-184 [Pivovarov N.Ju., Tihonov V.V. "Shtatov – izobil'e, porjadka snova net": k istorii razdelenija Instituta istorii AN SSSR v 1968 g. // Rossijskaja istorija. 2020. № 3. S. 173-184.]
- Поликарпов В.В. «Новое направление» 50-70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349-400. [Polikarpov V.V. «Novoe napravlenie» 50-70-h gg.: poslednjaja diskussija sovetskikh istorikov // Sovetskaja istoriografija. M., 1996. S. 349-400.]
- Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 2.: Февраль 1956 – начало 80-х годов. М.: МВФ, 2003. 503 с. [Reabilitacija: kak jeto bylo: dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy: v 3 t. T. 2.: Fevral' 1956 – nachalo 80-h godov. M.: MVF, 2003. 503 s.]
- Русина Ю.А. Следы «нового направления» в советской исторической науке на страницах самиздата // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. №3 (178). С. 96–109. [Rusina Ju.A. Sledy «novogo napravlenija» v sovetskoj istoricheskoj nauke na stranicah samizdata // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2018. T. 20. №3 (178). S. 96–109.]
- Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 3. С. 98-103 [Sergeev V.N. K voprosu ob ideologii grupy Krasnopevceva-Rendelja // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 2012. № 3. S. 98-103.]

- Хоффман Д. Вращивание масс: Современное государство и советский социализм. 1914-1939. М.: НЛЮ, 2018. 424 с. [Hoffman D. Vrashivanie mass: Modernoe gosudarstvo i sovetskij socializm. 1914-1939. M.: NLO, 2018. 424 s.].
- Чеботова Е.С. Историк М.Я. Гефтер в диссидентском движении // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1. С. 87-91 [Chebotova E.S. Istoriik M.Ja. Gefter v dissidentskom dvizhenii // Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. 2010. № 1. S. 87-91.].
- Шейнфельд М.Б. Михаил Яковлевич Гефтер // История и историки: историографический вестник. 2008. М.: Гриф и К, 2010. С. 318-335 [Shejnfel'd M.B. Mihail Jakovlevich Gefter // Istorija i istoriki: istoriograficheskiy vestnik. 2008. M.: Grif i K, 2010. S. 318-335].
- Шепелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 219-256. [Shepeleva V.B. Istoriograficheskaja sud'ba «novo-go napravlenija» // Mir istorika. XX vek. M.: IRI RAN, 2002. S. 219-256].
- Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 321 с. [Sherlok T. Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Sojuze i postsovetskoj Rossii. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2014. 321 s.].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 661 с. [Jurchak A. Jeto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: NLO, 2014. 661 s.].
- Kozlov D. The historical turn in late Soviet culture: retrospectivism, factography, doubt, 1953-91 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. T. 2. № 3. P. 577-600.
- Kozlov Den. Remembering and explaining the terror during the Thaw: Soviet readers of Erenburg and Solzhenitsyn in the 1960s. // The Thaw Soviet society and culture during the 1950s and 1960s. Toronto, 2013. P. 176-230.
- Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography 1956-74. Macmillan, 2001. 245 p.
- Martin B. Dissident histories in the Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika. London: Bloomsbury Academic, 2019. xv, 293 pp.
- Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power. Princeton: Princeton University Press, 1990. XIV, 330 pp.

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

Mutual Attraction and Repulsion: Professional Historians and the Dissident Movement in the Second Half of the 1950s-1970s

The work is prepared on the basis of published and previously not introduced into scientific circulation sources. The documents of the discussion in the spring of 1968 by P.I. Yakir at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, deposited in the Scientific Archive of the IRI RAS, are involved first time. It is pointed out that the line between professional historians and dissidents was often blurred and mobile. The article proposes to abandon the «dissident myth» that divides historians into «official» and «independent». Recognizing the possibility of applying the concept of «ideology of professionalism» to understand the problem, it is concluded that the «ideology of professionalism» included various components actualized by scientists depending on their personal qualities and ideological attitudes. It also hindered the establishment of close contacts between historians of the sixties and dissident historians, since the former exposed a «professional barrier» requiring possession of an arsenal of scientific research skills.

Key words: *Soviet historical science, dissident movement, “ideology of professionalism”, V.P. Danilov, P.I. Yakir*

Tikhonov Vitaliy Vitalievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences